

АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА

*ЛЕТОПИСАНИЕ НАУЧНОГО БРЕНДА**

Миронов В.В. Очерки развития английской школы международных отношений. Омск, 2017. 436 с.

В 2017 г. отечественная литература по международным отношениям пополнилась солидной публикацией, посвящённой эволюции английской школы. Этот труд не только восполняет пробел в освещении истории и социологии международных отношений, но и вносит заметный вклад в антропологию науки. Монография поднимает вопросы о роли экспертного знания, его востребованности со стороны политических кругов, преемственности исследовательских традиций и их трансформации в условиях появления новых форм научно-сотрудничества.

Издание даёт читателю представление о феномене английской школы, причинах её органичного вплетения в «западный дискурс рассуждений о международной политике» (с. 6) и её возросшей популярности в последние годы. В отличие от других национальных научных центров она заняла видное место среди международно-политических теорий. Как отмечает автор: «Эта школа не является ни национальной, ни собственно английской в том смысле, что её постулаты разделяют далеко не все британские международники, и наоборот, её идеи активно апробируют за рамками Великобритании неанглийские учёные. Факт её существования периодически ставился под сомнение, но сама концепция Английской школы международных отношений стала настолько влиятельной, что иногда

выступает синонимом всей британской теории международных отношений» (с. 7).

При определении ключевой категории анализа автор соглашается с Е.В. Гутновой, по мнению которой школа представляет собой узкую группу исследователей, составляющих ответвление широкого течения или даже направления. Критерием её выделения чаще всего служат методологические приёмы, объединяющие её участников. В некоторых случаях эти специалисты могут оказаться учениками одного крупного исследователя или локализоваться вокруг одного научного центра (с. 12).

Ведущую роль в развитии английской школы играли такие международники, как Ч. Мэннинг, Г. Баттерфильд, М. Уайт, Х. Булл, Ф. Нортейдж, Дж. Винсент, Г. Гонг, А. Уотсон, Дж. Доннелли, О. О'Нейл и другие. Именно они стали основными «героями» книги В.В. Миронова. По мнению автора рецензируемого издания, через концептуально-теоретические размышления практически всех этих исследователей, работавших в различные исторические периоды, проходят три сквозные темы: (1) концептуальная разработка категории международного сообщества, совершенствование международного права и осмысление разных способов управления международными отношениями; (2) колониализм, деколонизация и постколониализм; (3) гуманитарные интервенции и права человека.

* Данное научное исследование (№ 8.1.27.2018) выполнено по гранту Фонда им. Д.И. Менделеева при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

В межвоенный период, когда происходило становление английской школы, в международной политике наиболее остро стоял вопрос выработки эффективного механизма *коллективной безопасности на базе Лиги Наций и с опорой на международное право*. Большое внимание этим сюжетам уделял один из основателей школы, Ч. Мэннинг, человек с неординарной профессиональной судьбой. Во второй половине 1920-х годов он получил приглашение работать в Лиге Наций в качестве личного помощника Генерального секретаря. Опыт службы на этом поприще убедил его в «существовании некоего порядка в международной сфере», которым, как полагал исследователь, можно управлять (с. 24). Ч. Мэннинг видел в созданной после Первой мировой войны организации прообраз такой системы управления, представляющий собой «клуб цивилизованных наций» (с. 27).

Между тем как механизм обеспечения коллективной безопасности Лига Наций показала свою неэффективность, в том числе из-за того, что сами её создатели изначально слабо верили в успех этой организации. В работах Мэннинга практически отсутствует критика как самого объединения, так и Британии как одного из основных его гарантов. Он выступал при оценке Лиги Наций как «политически мотивированный учёный» (с. 25), отстаивающий интересы своего государства, что, конечно, расходится с требованием исследовательской объективности.

Уже после Второй мировой войны премница Лиги Наций – Организация Объединённых Наций – представлялась Ч. Мэннингу более развитым инструментом управления международным сообществом. «Если Лига Наций – это клуб наиболее развитых стран... то в Уставе ООН он видел признание субъектами международного права и акторами международных отношений все государства, а не только “цивилизованные”» (с. 27). Вместе с тем остаётся неясным, ставил ли исследователь по прошествии времени вопросы критического характера о причинах неудачи межвоенно-

го порядка. В.В. Миронов лишь частично отвечает на этот вопрос, указывая на этноцентризм Мэннинга, который впоследствии переключался и в британскую теоретическую традицию (с. 25).

Анализу Лиги Наций значительное внимание уделил и другой британский специалист, М. Уайт, научные интересы которого отличались широким охватом – от теологии и философии до истории, международных отношений и социологии (с. 94). Он, так же как Ч. Мэннинг, симпатизировал детищу Версальской системы международных отношений, запомнившись коллегам по Оксфорду как её страстный приверженец в 1930-х годах. Впрочем, мировоззрение исследователя подверглось серьёзному испытанию на фоне конфликта в Абиссинии 1935–1936 годов (с. 85). Париж и Лондон, занимавшие ведущее положение в Лиге Наций, несмотря на призывы других членов организации, долгое время уклонялись от введения санкций против Италии и считали возможным решить возникший спор за счёт территории Абиссинии (Эфиопии). Провал их политики свидетельствовал о дефектах созданной системы мирорегулирования.

Другой представитель английской школы, А. Уотсон, более тридцати лет отдавший британской дипломатической службе, написал основные труды после ухода в отставку в 1968 г. В его исследованиях значительное внимание также уделяется Лиге Наций с прицелом на выявление причин Второй мировой войны. Уотсон не был склонен не замечать недостатков организации, но приписывал ей большое значение как первой попытке выйти за пределы европоцентризма, признания всех государств независимыми. Её историческая роль также определялась созданием места постоянных встреч, которые «давали небольшим и средним странам право и возможность участия в решении наиболее важных международных проблем на основе принципа коллективной безопасности» (с. 326–327). Главный недостаток этой организации исследователь видел в игнорировании интересов наиболее влиятельных в XX в.

стран — Германии и Японии, которые были заинтересованы в пересмотре Версальско-Вашингтонских решений (с. 327). Симптоматично, что Советский Союз, долгое время также находившийся на маргинальных позициях в международной политике, в этот ряд включён не был.

Ещё один вопрос, к которому обращались на разных этапах представители английской школы, — *колониализм и его производные*. В условиях деколонизации, получившей стремительное развитие после Второй мировой войны, отдельные специалисты пытались осмыслить систему заморских империй европейских государств с политико-практической точки зрения. Например, уже упомянутый М. Уайт пытался «провести дифференцированный анализ важности отдельных регионов» для Великобритании (с. 97), предложив впечатляющую «многогранность моделей управления» (с. 96). По его мнению, при проведении курса на деколонизацию Британии следовало учитывать стратегические интересы, которые она имела в различных частях мира (с. 98–99).

Уточнение внешнеполитических приоритетов происходило в этот период и в государственных ведомствах (в Форин-офис и Министерстве по делам колоний Великобритании). Возникает вопрос — насколько теоретические размышления британских исследователей были востребованы послевоенными правительствами, особенно лейбористами, которые пытались осуществлять политику развития зависимых территорий и переформатировать империю на демократических началах. К сожалению, эта проблематика в рецензируемой монографии не раскрывается.

В рамках современных постколониальных исследований прикладной интерес представляют размышления американского историка Г. Гонга, занимавшего во второй половине 1980-х годов пост специального помощника заместителя госсекретаря США по Китаю и Тайваню, а позднее работавшего в Центре стратегических и международных исследований (CSIS). Одна из проблем, волновавших его ещё в 1970-х

годах, — перспективы создания мирового правительства. Интересно, что примерно в то же время на эту тематику рассуждал и А. Уотсон, полагавший, что «гипотетически существуют две модели эволюции в указанном направлении: новая мировая империя — проект, который он считал реализуемым только в отношении части мира, и создание целенаправленными усилиями международной федерации» (с. 301).

Третья большая тема, которую представители английской школы стали активно разрабатывать на рубеже XX–XXI веков, касалась прав человека и гуманитарной интервенции (с. 386). Они поставили вопросы о сущности и выражении борьбы за эти права в разных регионах мира, предложили её периодизацию, типологию и влияние этого вопроса на репутацию государств. В частности, как указывал К. Реус-Смит, «развивающимся странам нужны в первую очередь социальные и экономические права, которые в ходе крушения колониальных режимов стали приобретать приоритетное значение перед гражданскими и политическими правами» (с. 400). Ещё одна исследователь, М. Финнемор, сделала крайне спорный вывод о том, что колониализм способствовал осознанию гуманности в международных отношениях: «С этой позиции, если бы не было колониального прошлого, не произошло бы и знакомства с европейцами. А, как следствие, другие народы так и не стали бы людьми в гуманитарном представлении европейцев» (с. 403–404).

Связь вопросов защиты прав человека с колониализмом не случайна и продиктована сохраняющейся актуальностью британского имперского опыта, прежде всего для США, сталкивающихся при проведении внешней политики с задачами установления контроля над стратегически важными территориями под либеральными лозунгами. Например, на рубеже XX–XXI вв. Лондон и Вашингтон в рамках «гуманитарных интервенций» предпринимали активные попытки перенести на чужую почву собственный политический и социальный опыт [Малкин 2016: 52].

При обобщении взглядов представителей английской школы как единой системы представлений становится заметным практически полное игнорирование ими роли крупных незападных государств, и в первую очередь России. В оценках её места в эволюции международной системы они проявляли обидную, хотя и закономерную клишированность восприятия, признавая за российским государством «несколько специфичный статус в семье европейской политики» (с. 314). Хотя эти исследователи не были русистами, всё же широкие теоретические размышления они могли дополнить более глубоким научным анализом роли Советского Союза и России как неотъемлемого элемента международных отношений.

На фоне нынешних дискуссий о парадигме американской и – шире – западной системы знания о международных отношениях и её соотношении с российской картиной мира вновь возникает вопрос о включённости России и отечественных исследователей в международный дискурс. А. Фененко, рассуждая о причинах крайне незначительной доли работ отечественных авторов в зарубежных журналах, видит основную причину в идеологической нагрузке исследований по международным отношениям в США. По его убеждению, «каждый международник, работающий в западном академическом сообще-

стве, обязан признавать определённый набор аксиом суждений, которые принимаются на веру некритично... ..Сомнение в них сначала переводит вас в разряд “интеллектуальных хулиганов”, а затем – и научных маргиналов». Анализ работ представителей английской школы подкрепляет это небесспорное замечание [Фененко 2016: 172–173]. С учётом того, что российские исследования международных отношений по-прежнему находятся в формате становления, опыт признанной научной традиции может быть полезным для поиска точек соприкосновения и попыток преодолеть сложившиеся идеологические барьеры.

Сама английская школа прошла длительный путь «от узкого кружка интеллектуалов, работающих в Великобритании, которых объединял Оксбридж, до развития сети более широкого круга учёных, чьи идеи стали составной частью развиваемой теории» (с. 293). Она развивается до сих пор, а её представители держат руку на пульсе засушенных международных проблем, продолжая теоретические поиски и углубляя уже имеющиеся представления о природе международного порядка, его структуре, институтах и выработке наиболее эффективных способов глобального управления.

Елена Хахалкина
доктор исторических наук

Список литературы

- Малкин С.Г. Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США // Международные процессы. 2016. Т. 14. №3. С. 52–67.
Фененко А.В. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // Международные процессы. 2016. Т. 14. №1. С. 172–180.

References

- Fenenko A.V. (2016). Pochemu v Amerike ne lyubyat publikovat' rossijskikh avtorov? [Why do not like to publish Russian authors in America?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 1. P. 172–180.
Malkin S.G. (2016). Kolonial'nyj opyt Velikobritanii i strategicheskoe myshlenie SSHA [Colonial Record of Great Britain and Strategic Thinking of the USA]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 3. P. 52–67.